

Муниципальное казенное дошкольное образовательное учреждение

«Детский сад №395 компенсирующего вида» г.Новосибирска

ПРОЕКТ

Память во имя жизни

Номинация: «Как это было»

«Воспоминания военного хирурга Клепиковой Веры Васильевны»

*Участник: Щекотихина София, воспитанница
МКДОУ детский сад №395 компенсирующего вида.*

*Руководитель: Гейм Екатерина Владимировна,
председатель ППО, воспитатель МКДОУ
детский сад №395 компенсирующего вида*

Новосибирск 2015г.

Из воспоминаний военного хирурга Клепиковой Веры Васильевны.

"... Чем запомнились первые операции? Очень тяжелые раненные поступали с ранениями от разрывных пуль - входное пулевое отверстие небольшое, но, входя в тело, пуля разрывается, и из тканей получалась, говоря вульгарно, "каша". При разрывах в конечностях приходилось делать ампутации.

Мы оказывали первую врачебную помощь и отправляли раненых в полевые госпитали. Для нас не было слова "безнадежный", мы боролись до последнего мгновения за каждого бойца. Причем борьба за жизнь раненного была настолько драматичной, что и хирурги, и медперсонал - все, кто был поблизости, - интуитивно в самые опасные моменты прикрывали пациента, лежащего на операционном столе, собой. Накроешь раненного своим телом и дрожишь над ним, самолет улетит - оперируешь дальше. Мы оперируем, а немцы в это время сбрасывают на нас бомбы.

Вспоминая начало войны, не могу не рассказать об одном таком подарочке. Немцы, чтобы напугать, сбрасывали с самолета... бочки, причем пустые. Эта бочка, когда летит с большой высоты, вращается, и при этом такой страшный свист, что люди действительно разбежались. До сих пор помню, очень было жутко и неприятно.

Как я уже говорила, именно первые бои дивизии были самыми тяжелыми и кровопролитными. Наверное, мы тогда еще не умели воевать, отсюда и окружения, и большие потери.

Во время первых боев был такой наплыв раненых, что мы, оказывая помощь на шести операционных столах одновременно, по тридцать часов не выходили из операционной.

Именно тогда сложилась "ускоренная" метода отбора раненных во время большого наплыва: если кричит, стонет, ругается - значит, силы еще есть, какое-то время продержится, а если уже не стонет, ни на что не реагирует - дело совсем худо, скорее в операционную. Раненные на такой подход не обижались, видели, что мы воюем за каждого. Когда не хватало хлороформа и обезболивающих, выручали стакан спирта - чтобы притупить чувствительность - и разговор с доктором. Участливый взгляд, слова надежды врачевали не хуже медикаментов.

Невыносимо тяжкий труд, работа во спасение, когда на весах жизнь... Прошли годы, но в каждом из нас, стоявших у операционных столов под бомбежкой, остался жить военврач..."

"... Хочу рассказать одну историю, в которой можно проследить, как через годы проходит связующая нить времен. Моя мама умерла в 1987 году на 91-м году жизни.

После трудных траурных дней, разбирая её заветный отдел в комод, мы увидели среди различных справок, квитанций небольшую шкатулку и в ней пачка моих писем с фронта, датированных 1941-1942 годами. Письма семейные, теплые. и вот среди них я вижу письмо от 27 ноября 1942 года, бумага пожелтела, частично порвалось на сгибах. Но прочитать его еще можно:

"27/XI - 42г.

Дорогая мамочка!

Сегодняшнее письмо посвящаю тебе, т.к. посылаю стихотворение, которое только что услышала.

МАМА

Мама - нет слов ярче и милей,

Мама, нет глаз мягче и добрей,

Хорошо мне жить любя, мама родная,

Погляжу я на тебя, ведь ты почти седая,

Сердце свое ты мне отдала,

Сколько ночей ты мне берегла...

Так согрею я теперь старость твою,

Для тебя сегодня спою:

Мама, что на свете тебя милей.

Мама, что дороже любви твоей,

Песня колыбельная, ласка беспредельная,

Радость моих долгих, долгих дней...

Мама, как светло мне всегда с тобой,

Мама, всюду вижу я образ твой.

В горе молчаливая,

В праздник хлопотливая,

Мама, милая моя.

Если, мой друг, ты недалеко

Все мне милей, на душе легко.

Любишь вспомнить иногда

Ты в час покоя

Мои юные года и детство золотое,

Вспомнишь и вдруг отведешь глаза,

Тихо из глаз скатится слеза,

Так согрею я теперь старость твою?

Для тебя сегодня я спою...

Мама, что на свете тебя милей,

Мама, что дороже любви твоей...."

Я перечитывала эти строчки и вспоминала, как я сидела в землянке и писала письмо домой, а из глаз у меня катились слезы. И на войне сердце не черствело, мы жили надеждой на победу и возвращение домой, туда, где нас ждали любящие, родные люди..."

"... Самое страшное воспоминание - это нечеловеческие условия в освобожденных концлагерях. Когда мы их освобождали, то ломали ворота концлагерей, и я лично въезжала на территорию лагеря на танке. В жутких, длинных бараках жили военнопленные, они спали на нарах, покрытых соломой. Запах, конечно, был ужасный. Пленные были поражены в основном кожными заболеваниями.

Нас обнимали украинцы, латыши - счастливые, но измученные, исхудавшие, в грязных робах с серо-синими полосами. Один латыш особенно старался ругать немцев матом. Я у него спросила: "Зачем вы ругаетесь, мы и так видим, что вы русский". А я ведь никогда, несмотря на то, что война, ни разу не выругалась.

Сразу вслед за передовыми частями ехали группы людей, которые организовывали питание пленных, регистрировали, записывали их домашние адреса (город, страна и т.д.), чтобы в скором будущем их развести по адресам, а мы двигались дальше, освобождая пленных, спасая их от ужасов фашистских концлагерей. Охрана лагерей уже разбежалась, и сопротивления никто не оказывал.

Затем бои за Кенигсберг - Калининград.

Под Кенигсбергом были очень тяжелые бои, город был укреплен фортами, окружен рвами, наполненными водой, но наши полки проявили отвагу и храбрость. Город был освобожден 10 апреля 1945 года.

Дальнейший путь нашего танкового полка 8-го механизированного корпуса 235-й дивизии был в направлении главного удара.

Вперед и только вперед - на Берлин!.."